

УДК 141.319.8

DOI: 10.34670/AR.2023.12.24.010

**Особенности воззрений современной русской мысли на
неопределенность, отличия от «западной» и роль в «особом
русском пути»**

Власенко Константин Игоревич

Аспирант

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена,

191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48;

e-mail: konstantinherzen@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается среди многих течений, пронизывающих современную русскую мысль на неопределенность, возможности «особого русского пути» на основе эволюционной экономики. Рассматриваются основы и современное развитие эволюционизма вокруг трех тем, которые кажутся являются особенно интересными для изучения русской мысли: вопросы времени, неопределенности и роли институтов в экономике. Эти три понятия позволят рассмотреть возможный вклад эволюционного видения переходного периода в России в связи с трудностями, с которыми сталкиваются стандартные подходы по данной теме, с учетом сравнения с «западной» позицией.

Для цитирования в научных исследованиях

Власенко К.И. Особенности воззрений современной русской мысли на неопределенность, отличия от «западной» и роль в «особом русском пути» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 3А-4А. С. 111-122. DOI: 10.34670/AR.2023.12.24.010

Ключевые слова

«Русский путь», эволюционизм, неопределенность, особенность, переходный период.

Введение

Что поражает с самого начала эволюционистских текстов, так это трудность характеристики нынешних контуров возможной «эволюционной парадигмы», существование которой еще предстоит продемонстрировать. Вместо тематического подхода, который столкнулся бы с трудностями, вызванными разнообразием работы, мы примем здесь исторический подход, который попытается определить связи родства и вдохновения, которые позволяют связать течения между ними.

Не переходя к систематической археологии теорий, следует сначала проследить современный эволюционизм до двух течений начала века: американского институционализма и австрийских школ.

Американский институционализм включает в себя таких авторов, как Т. Веблен, Дж. Коммонс, К. Айрес, У. К. Митчелл, Дж. Это течение развивалось в основном в межвоенный период, предлагая теоретическую альтернативу как неоклассической, так и марксистской теории. Институционалистский метод вдохновлен философским прагматизмом Д. Дьюи и У. Джеймса: предлагаемые теории, если они имеют четко объяснимые амбиции [Vercueil, 1997], также должны быть операциональными и реалистичными; с другой стороны, их обоснованность может быть только временной и относительной для конкретной группы ситуаций. В этом они противостоят теориям неоклассической парадигмы, которые претендуют на абсолютность, даже если это означает принесение в жертву их соответствия реальности. Второй аспект институционалистского прагматизма состоит в обновлении теории социального поведения: влияния, которые должны быть признаны теорией, являются не только материальными или осуществимыми с точки зрения цены; они также являются культурными, что подразумевает, что модель оптимизации рациональности не может служить исключительной основой для анализа индивидуального действия [Veblen, 1970].

В этом контексте понятно, что центральная роль приписывается институтам в экономической координации: институт является «коллективным действием, контролирующим, освобождающим и позволяющим выразить индивидуальные действия» для Коммонса [Commons, 1935], «преобладающей привычкой мышления» для Веблена. В состоянии издержек или в овеществленных формах перед институтами стоит задача стабилизировать поведение, допуская сближение ожиданий агентов и облегчая производство и циркуляцию информации и богатства. Они также играют активную роль в процессе экономических изменений. Т. Веблен выделяет механизмы, с помощью которых происходят экономические и институциональные изменения: институты наделены собственной инерцией в том смысле, что они порождают механизмы собственного воспроизводства. Но иногда они конфликтуют или конкурируют друг с другом. В этом случае одно учреждение может быть выбрано по сравнению с другим путем изменения достаточного количества его характеристик. Другим вектором институциональных изменений является «материальная реальность», т.е. совокупность технических процедур производства и обмена, характеризующих экономику. Институциональная реальность может стимулировать адаптивные изменения в институтах так же, как они влияют на реальность. Упрощенное движение на самом деле является относительно сложным: во-первых, институты подвергаются постоянному давлению с целью перемен из-за их взаимной конфронтации и взаимодействия с материальной реальностью. Но они также имеют значительную склонность к инерции. В частности, они изменяются значительно медленнее, чем материальная реальность, что объясняет их стабилизирующую роль, но, наоборот, может вызывать ситуации, далекие от

оптимальных. Во-вторых, институты являются как факторами, так и объектами отбора. Они помогают формировать социальный выбор и поведение акторов, но постоянно подвергаются проверке их адекватности реальности. В-третьих, Веблен не дает нам четкого правила относительно того, почему один институт должен выжить, а не другой. Конечно, институт, эффективность которого с точки зрения материальной реальности и по сравнению с конкурирующими институтами объективно превосходит, должен иметь больше шансов на существование, чем другой. Но Веблен отвергает любую идею «выживания наиболее приспособленных», часто ошибочно связанную с эволюционными гипотезами: поведение и институты вполне могут выжить, имея серьезные недостатки в отношении гипотетического оптимального функционирования.

Параллельно с институционалистским корпусом в Австрии развивались два семейства теорий, которые можно без особых трудностей квалифицировать как предшественники современного эволюционизма. Это либеральная «австрийская школа», с одной стороны, в традициях фон Мизеса и Хайека, и шумпетерианская теория — с другой.

Никто не сомневается в эволюционном характере работы Шумпетера. Его радикальный отказ от «баланса» неоклассических теорий мотивирован центральным аргументом: инструменты, которые они разрабатывают, не способны объяснить экономические изменения. Но сама характеристика капитализма, по мнению Шумпетера, состоит в его способности постоянно порождать новизну:

«Проблема, обычно принимаемая во внимание, заключается в том, чтобы установить, как капитализм управляет существующими структурами, в то время как проблема, которая имеет значение, заключается в том, чтобы открыть, как он создает, а затем разрушает эти структуры» [Schumpeter, 1939].

Это обновление происходит через инновации, «созидательное разрушение», расположенное в самом сердце капиталистической системы. Из описания Шумпетером процесса эволюции капитализма следует отметить три фундаментальных понятия:

- 1) Неопределенность. Во все времена шумпетерианский предприниматель погружен в неопределенность: его выбором руководствуется «интуиция». Инновации сами по себе, естественно, создают неопределенность: «технологические возможности можно сравнить с морем, которое не было нанесено на карту» [Schumpeter, 1939]. Набор возможностей непознаваем. Точно так же его последствия не предвидятся. Пренебрегая инновациями, неоклассическая теория недооценивает влияние неопределенности в экономике.
- 2) Роль институтов. Если Шумпетер ссылается на авторов-институционалистов (таких как У. К. Митчелл за его статистический анализ циклов), он не использует концепцию института в качестве инструмента исследования. Он сразу же помещает свой анализ в «институциональные рамки капиталистического процесса» или в «институты буржуазного мира», а затем описывает, как они работают. Этими институтами являются, например, частная собственность и свобода заключения договоров. Но что его интересует больше всего, так это то, что капитализм рассматривается как процесс, а не как положение дел. Следовательно, институты играют важную роль только через их изменение, что отчасти объясняет движения капитализма.
- 3) Исторический анализ. Институционализация экономического анализа является для Шумпетера способом исторического позиционирования. Теория Шумпетера неотделима от исторической перспективы, описывающей институциональные изменения.

Исторический, институционализированный, интегрирующий неопределенность как фундаментальный факт реальности, шумпетерианский анализ предлагает типично эволюционную систему отсчета, которая может быть мобилизована для понимания основных характеристик переходного периода в России.

Основная часть

Современный австрийский либерализм является частью древнего родства, главными фигурами которого были фон Мизес и Хайек. Это филиация организована вокруг концепции «спонтанного порядка», социальной конфигурации, возникающей в результате процесса организации, характерного для человеческой деятельности, но не преднамеренного. Вопреки тому, что можно предположить из этого термина, этот порядок ни в коем случае не является статичным. Его существенная характеристика даже состоит в том, чтобы быть постоянно в движении. Проблема равновесия, поставленная агентом, согласно Хайеку, сразу же динамична: какие последовательные действия, вероятно, будут интегрированы в один и тот же план, зная, что каждое из них приведет к появлению новой информации, которая, вероятно, поставит под сомнение первоначальный план [Hayek, 1948].

Движущими силами этого спонтанного порядка, погруженного во время, являются инновации, рыночный арбитраж, накопление и производство. Организующими силами являются правовые и моральные институты, а также рыночные арбитражи. Предуместность спонтанного порядка не является оптимальностью *in abstracto*. Они являются результатом постоянных процедур проб и ошибок, как на уровне агента, так и на уровне самого процесса, что никоим образом не подразумевает оптимизацию путем отбора. Институты, кристаллизованные в организациях, также не являются продуктом преднамеренного проекта: они являются результатом человеческой деятельности, но не человеческого намерения. Институциональный порядок на самом деле является продуктом опыта, накопленного с течением времени, и переносит опыт прошлого в будущее, и только индивид не может принять полную меру. Вот почему любая попытка группы реформаторов подменить стихийный порядок организацией экономической координации обречена на провал. Это фатальное самомнение, которое приведет только к ухудшению качества координации. Иллюстрацией этого является неэффективность и последующий крах экономик советского типа.

Современная австрийская школа остается в либеральной линии Мизеса-Хайека. Его работа о понятиях времени и неопределенности представляет оперативный интерес для темы исследования. Время рассматривается через индивидуальное решение: во внимание принимается период планирования индивида. Эта концепция отсылает к Бергсону, который размышляет о взаимосвязи между временем и индивидуальным обучением: обучение провоцирует возврат к прежним прогнозам, которые необходимо постоянно пересматривать. Непрерывающийся поток новой информации, вызванный течением времени, постоянно обновляет запас знаний, хранящихся в памяти актера. Моделирование решения должно отражать это обновление: «опыт первой ситуации всегда должен входить в качестве нового параметра во вторую ситуацию». С другой стороны, время может выступать в качестве объективного фактора изменений через опасности, инновации, износ и т. д. Австрийская трактовка неопределенности проистекает из этой концепции времени.

Теоретические трактовки понятия неопределенности чрезвычайно многочисленны и стары. В самой эволюционной традиции существует несколько концепций неопределенности, которым

следует систематически противостоять и, возможно, гармонизировать, чтобы предложить последовательное видение контекста экономического действия. Здесь мы ограничимся очень часто предлагаемым различием между «структурной неопределенностью» и «параметрической неопределенностью». Параметрическая неопределенность касается только *параметров* заданной, известной структуры задачи. С помощью статистического вывода можно построить систему вероятностей, которая позволяет использовать традиционные критерии принятия решений (например, максимизацию субъективного ожидания выигрыша). Структурная неопределенность, с другой стороны, влияет на форму самой ситуации. Субъективные вероятности бесполезны, поскольку мы не можем провести инвентаризацию возможностей. Шекл предлагает заменить вероятность системой «потенциальных сюрпризов», в которой определенным возможным событиям придается вес, при этом эти веса не приравниваются к вероятностям, поскольку их сумма меньше 1. С чисто австрийской точки зрения необходимо подчеркнуть субъективный характер этих «весов», важно признать индивидуальный характер интерпретации агентом информации, которую он получает. В отличие от моделей рациональных ожиданий, информация, циркулирующая в экономике, не обрабатывается одинаково всеми агентами. Это вносит свой вклад в структурный характер преобладающей неопределенности. Здесь мы находим один из важных аспектов теории предпринимателя Й. Шумпетера, который придает значение субъективной интуиции предпринимателя и его способности ориентироваться в «ненанесенном на карту море».

Фундаментальный вопрос теории перехода применительно к России: как концептуализируем изменения? Поэтому она лежит в основе любой эволюционной теории. Напротив, стандартная концепция перехода может быть описана как телеологическая: определяемый его результатом, переход является лишь *временным* переходом между двумя якобы совершенно известными ситуациями, плановой экономикой и рыночной экономикой. Эта концепция перехода сопряжена с двояким риском: с одной стороны, пренебрежение ситуацией, унаследованной от прошлого, и инерцией структур и поведения, которые она подразумевает; с другой стороны, пренебрежение самим процессом, поскольку, согласно гипотезе, переход должен быть как можно более коротким, чтобы достичь ситуации «прибытия»: рыночной экономики. Учитывая все обстоятельства, мы находим в этой концепции способ анализа времени, унаследованный от сравнительной статики в макроэкономике: сравниваются две ситуации, если одна предпочтительнее другой, то необходимо преобразовать условия второй, чтобы смоделировать их по образцу условий первой. Обе ситуации предполагаются стабильными сами по себе, и разница между отправной точкой, приведением в движение и конечной точкой вполне очевидна. На самом деле это очень маленькое представление о времени. Переход является лишь *транзитом*: начиная с точки А, идеально расположенной в пространстве, необходимо определить траекторию, чтобы прибыть в точку В, также определенную. Затем проблема сводится к определению наиболее дорогостоящей траектории. Однако, если мы серьезно отнесемся к эволюционной критике этой концепции, мы вынуждены признать, что А и В не обязательно имеют четко определенные координаты, и особенно то, что в зависимости от выбранной траектории две точки и не обязательно будут иметь одинаковые позиции... Затем мы видим, что стратегия исправления А и В может быть источником ошибок; принимая во внимание, что вместо того, чтобы определять очень широкие цели оптимизации, необходимо принять подход постоянного улучшения ситуаций с точки зрения «удовлетворенности»; что эта перспектива должна учитывать в режиме реального времени реакцию агентов на предпринятые реформы, а также наследие поведенческого планирования. В

настоящее время многие исследования переходят к этому подходу к переходу как к процессу.

Эта оппозиция перспективы иногда характеризуется с методологической точки зрения противопоставлением «конструктивистской» и «попперовской» школ. Первый настаивает на конечном результате, четкой модели капитала, которая должна быть создана быстро, несмотря на трудности переходного периода, которые могут возникнуть. Во втором случае основное внимание уделяется масштабам предстоящих реформ, которые по самой своей природе требуют времени. Иллюстрацию такого подхода можно найти в понятии «мутантных экономик», экономик, переход которых оставляет на месте «остатки» плановой экономики, в то время как некоторые элементы рыночной экономики еще не сформированы или заменены новыми формами.

Стандартная концепция переходного периода подчиняет любую проблему «последовательности» реформ общему временному ограничению: переход должен быть как можно более плавным. Эволюционная критика состоит в том, чтобы показать, что это видение устраняет одну из самых острых проблем переходного периода: наследие планирования и, в частности, его *институтов*.

Критики рассматривают на практическом уровне аргументы, разработанные на теоретическом уровне в отношении концепции времени в стандартной парадигме. Политика реформ систематически недооценивает проблемы в области профессиональной подготовки, возникающие в связи с предварительным существованием хорошо зарекомендовавших себя институтов. Таким образом, одним из основных источников ошибок является недостаточная осведомленность, в том числе национальными реформаторами, специфики трансформационной экономики. Поскольку эта специфика по существу является наследием прошлого, критика ссылается именно на недостаточное рассмотрение наследия. Трактовка институционального наследования предлагает множество примеров практических последствий частичного взгляда на трансформацию.

Первым важным примером является часто упоминаемое поведение, направленное на получение ренты. Такое поведение, рассматриваемое как следствие трансформации слишком медленные, на самом деле являются характерным элементом советского наследия.

Система планирования оставляет неизгладимый след в поведении, особенно в России, где советская экономика просуществовала четыре поколения. Жестокий переход оставляет большинство устаревших институтов и должностей на месте, в то же время вводя стимулы, которые делают их существование еще более контрпродуктивным, чем в прошлом. Таким образом, прогрессивный характер реформ может найти причину в необходимости далеко идущих изменений в отдельных экономических стратегиях и в том, чтобы избежать предоставления агентам, привыкшим к более эффективному сбору и обработке информации, возможности использовать свое привилегированное положение для получения первых плодов чрезмерной либерализации. быстрый. Вопрос о постепенности/радикализме трансформируется здесь в вопрос о стимулах, которые каждая институциональная ситуация провоцирует по отношению к унаследованному поведению. Поэтому поведение, направленное на получение ренты, следует интерпретировать не как результат слишком медленного переходного процесса, а как сочетание глубоких и неподготовленных разрывов с сохранением институтов, не приспособленных к новым условиям.

Второй пример касается перестройки производственного аппарата. Рынок проверяет продуктивные комбинации на основе сравнения их мгновенная производительность. Нет сомнений в том, что в первые переходные периоды показатели восточных фирм были

значительно ниже, чем у западных. С другой стороны, нет никаких гарантий того, что для значительной части из них потенциал моделирования недостаточен для того, чтобы в среднесрочной перспективе можно было вернуться к конкурентным условиям производства. Кроме того, необходимо учитывать сети, сплетенные в рамках планирования компаниями, чтобы противостоять капризам непоследовательных министерских решений. Эти сети смогли, даже если их неформальный характер часто приближал их к коррупции, в некоторой степени повысить макроэкономическую эффективность советской системы. В условиях жестокой либерализации, которая часто ассоциируется на местном уровне с ускоренной декомпозицией правил, эти сети больше не могут играть эту роль. Либо они кристаллизуются перед лицом быстрых изменений в окружающей среде и вырождаются в сети ролей, ищущих ренту, иногда вытекающих из мафиозных практик. Либо жестокая либерализация разрушает сети и осуждает компании, которые могли бы производить прибыльно после модернизации. Таким образом, скорость транзита, вероятно, приведет к чрезмерному сокращению объема производства. Разрушение «информационного капитала» сокращающихся секторов не компенсируется развитием новых секторов. Более того, изменение «структуры стимулов», вызванное институциональной трансформацией, было асимметричным: спрос и предложение реагировали по-разному. Предложение в ответ на шок, вызванный либерализацией цен и маркетингом, потребовало бы стабилизации рыночной инфраструктуры. Напротив, новые условия конкуренции и оплаты привели к слому традиционных вертикальных связей между предприятиями, способствуя сокращению производства и затягиванию корректировки предложения. Таким образом, высокий первоначальный спрос не был удовлетворен соответствующим предложением из-за непоследовательности институциональных изменений.

Пренебрегая инерцией институтов их влиянием на поведение, реформаторы считали, что институциональные преобразования могут быть инициированы путем ужесточения денежно-кредитных ограничений для всех субъектов и быстрого изменения структуры собственности на производственные действия. Исходное предположение заключалось в том, что агенты немедленно адаптируются к новым условиям, рационализируя свою деятельность - поглощение излишков сбережений домашних хозяйств, повышение почасовой производительности труда, снижение производственных затрат, модернизацию производственного аппарата, изменение стратегий развития предприятий и т.д. Но поведение, соответствующее этим институциональным стимулам, было совершенно иным. Кооперативные корректировки принимали различные формы: разработка неоплаченных счетов, обращение к бартеру, продажа или сдача в аренду активов компаний, отвлечение производственных инвестиций в спекулятивную финансовую сферу, уклонение от уплаты налогов, разработка директив, создание или усиление групп давления с властями, прямые нарушения законодательства и т.д. Стандартное объяснение этой неудачи связано с задержками в проведении реформ, которые считаются чрезмерными. Хотя нет никаких сомнений в том, что колебания и развороты, особенно многочисленные в России, усилили неопределенность, поставили под сомнение легитимность власти и способствовали развитию оппортунистического поведения, эти факторы играют лишь второстепенную роль в кризисе. Главную роль играет несогласованность институциональных изменений. Эта непоследовательность проявляется в том, что акцент делается на мерах с ярко выраженным символическим содержанием - массовой приватизации, объявленных ограничениях на денежную массу и государственный бюджет, - но с незначительной структурной силой, пренебрегая долгосрочными мерами, направленными на стабилизацию среды агентов - создание четкой, последовательной и обязательной правовой

основы, регулирующей деятельность на рынке труда.

Таким образом, спустя год после первого пакета реформ в 1992 году, который считается началом шоковой терапии, основные структуры российской экономики не изменились: монопольное положение не было поставлено под сомнение, не был создан реальный рынок для факторов производства.

Общее рассуждение о роли неопределенности единодушно: переходный период значительно увеличивает неопределенность агентов. Результатом является механическое сокращение активности, которое тесно связано со степенью видимости агентами своей будущей ситуации. Таким образом, в странах с переходной экономикой неизбежно первоначальное сокращение объема производства, которое будет устранено только тогда, когда неопределенность вернется к уровню, сопоставимому с уровнем стабилизации рыночной экономики.

Есть различия в продолжительности перехода. Стандартный аргумент состоит в том, что чем более вероятен переход, тем быстрее будет уменьшена неопределенность и тем быстрее можно будет вернуться к росту. Но этот аргумент основан на абстрактном взгляде на рынки, который пренебрегает несовершенством информации, которая их характеризует. Рынки на самом деле в значительной степени недоопределены по отношению к их стандартной модели, что порождает неопределенность и требует институциональных рамок, таких как затраты, законы, политические приоритеты и экономические организации, которые способствуют ценообразованию при одновременном снижении неопределенности. Кроме того, стандартная позиция выявляет неполное определение переходного периода, в котором приоритет отдается аспектам «денежно-кредитной стабилизации» и «либерализации-приватизации». При этом эта концепция игнорирует "вторичные", т.е. "институциональные" последствия проводимой политики, такие, как бюджетное ослабление государства, что в условиях всеобщей депрессии приводит к ускоренной делегитимизации. В финансовом отношении это подпитывается одновременным сокращением расходов и налоговых поступлений, поддерживаемым исключительным поведением агентов. В политическом плане она подпитывается самим регулятивным поведением государства, которое, будучи не в состоянии оценить последствия своих реформ - очень мало применяемых - и стремясь всеми средствами сохранить на политическом уровне власть, от которой оно отказывается экономически, само становится непредсказуемым. Понятно, что такие темпы реформ, наклеенные на наследие планирования и *перестройки*, могут стать дополнительным фактором неопределенности и углубить падение производства, а не ограничить его. Причина приводится на теоретическом уровне Г. Саймоном. Информационная функция цен действительно только в контексте стабильности: «неопределенные цены, вызванные непредсказуемыми изменениями, снижают способность акторов рационально реагировать». Таким образом, слишком резкий переход не оставляет агентам времени для разработки новых «процедур» посредством процесса изучения новых правил, которые позволили бы им улучшить качество своих решений.

Чтобы систематизировать взаимосвязи между предпосылками и предложениями стандартной и эволюционистской работы по переходу, следует синтезировать их в виде таблицы на следующей странице. Систематическое сравнение между двумя течениями, которое допускает это формирование, не следует понимать как попытку противопоставить эволюционистские и стандартные позиции термин за термином и отрицать существование общих черт или возможность взаимодополняемости между двумя течениями. Несмотря на объективные различия в подходах, нельзя оспаривать, например, то, что все авторы разделяют

убеждение в необходимости дальнейших реформ в смысле большей горизонтальности экономической координации, даже если роль, отводимая органам государственной власти, не одинакова в обоих случаях. Если, кроме того, мы решили ограничить наше исследование использованием трех ключевых понятий неопределенности, времени и институтов в экономике, мы не сомневаемся в частичном характере такого фокуса. В частности, представляется необходимым добавить к трем рассматриваемым здесь концепциям формы рациональности, принятые теоретическими течениями и которые обнаруживаются в предложениях по реформе.

**Таблица 1 - Сравнение стандартного и эволюционного подходов:
неопределенность, время и институты**

	Стандартные подходы (западный вариант)		Эволюционные подходы («особый русский путь»)	
	<i>Теоретическое лечение</i>	<i>Приложения к переходу</i>	<i>Теоретическое лечение</i>	<i>Приложения к переходу</i>
Неопределённость	Происходит из-за несовершенства рынка. Можно устранить, улучшив их работу, что позволяет ценам сконцентрировать всю информацию и превратить неопределенность в риск. Индивидуальный расчет делает все остальное	Переходный период должен уменьшить неопределенность за счет быстрого создания соответствующих рыночных механизмов	Включено в рынки. Не может быть уменьшено аналитическими способностями агентов, но обучением и социально сконструированными правилами-институтами	Переходный процесс создает неопределенность. Институциональная поддержка имеет важное значение для стабилизации поведения с помощью правил, признанных всеми
Время	Время вне агентов. Это сводится на нет в случае принятия решения в правильной рыночной среде, которая объединяет все возможные фьючерсы по ценам.	Шоковая терапия – или «большой взрыв» – оправдана необходимостью не давать наиболее информированным группам время для захвата ресурсов, необходимых для получения ренты, даже если это означает пренебрежение необратимостью, унаследованной от планирования.	Время является внешним и внутренним по отношению к агентам: оно вмешивается в инерцию институтов, а также в продолжительность обучения агентов. Государства находятся в постоянном изменении, все экономические данные — это процессы, вписанные во время.	Реформы должны учитывать время, затраченное (наследование), будущее время (расширение горизонтов принятия решений агентами за счет стабилизации их среды в среднесрочной перспективе), настоящее время (предоставление агентам времени для усвоения новых правил поведения и их постепенного изменения).
Учреждений	Есть институты, которые только кристаллизовались в виде законодательной системы. Рынок — это не институт, который нужно	Единственные институты, которые реформаторы должны построить, — это правовая основа для эндогенного развития рынков.	Кристаллизованные и некристаллизованные институты одинаково важны для экономического поведения. Условности,	Каждый рынок – это сконструированный институт. Существует несколько возможных путей функционирования рыночной эконо-

	Стандартные подходы (западный вариант)		Эволюционные подходы («особый русский путь»)	
	Теоретическое лечение	Приложения к переходу	Теоретическое лечение	Приложения к переходу
	строить, он возникает спонтанно в результате разрушения правил, мешающих ему выражать себя.		имплицитные правила, привычки мышления – это институты	мики. Поскольку рыночные механизмы могут сопровождаться государственными стимулами только в стабилизированных условиях, государство должно восстановить свою легитимность.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что в дополнение к своему упрощающему аспекту, эта таблица имеет недостаток, заключающийся в том, что она помещает на полностью симметричный уровень произведения стандартного вдохновения и те, которые являются результатом эволюционистского течения. Однако этот параллелизм сомнителен по нескольким причинам: с одной стороны, потому что пропозициональный аспект эволюционистской работы еще не был реально применен, что позволяет проверить их актуальность. С другой стороны, тот факт, что авторы эволюционного влияния, в отличие от авторов, придерживающихся стандартного подхода, не принадлежат к общей парадигме, которая была бы описана как «эволюционная парадигма».

Библиография

1. Дегтярева М. И. "Особый русский путь" глазами "западников": де Местр и Чаадаев // Вопросы философии. – 2003. – №. 8. – С. 97-105.
2. Лексин В. Н. Неопределенность, риски и устойчивость систем // Труды Института системного анализа Российской академии наук. – 2022. – Т. 72. – №. 1. – С. 3.
3. Ольсевич Ю. Фундаментальная неопределенность рынка и финансовые теории. – Litres, 2023.
4. Arrghetti A., R. Bachmann, Deakin S. [1997] : "Contract Law, Social Norms and inter-firm Cooperation", in *Cambridge Journal of Economics*, vol. 21, №2, mars 1997, pp. 171-195.
5. Commons J. R. [1935] : "Institutional Economics". Réédition, Madison : University of Wisconsin Press, 1961.
6. Dom J. A. [1994] : "The Collapse of Communism and Post-Communist Reform", in Boettke P. J. (ed.), *"Austrian Economics"*. Adelshot : Edward Elgar, pp. 440- 447.
7. Hayek F. A. [1948:1980] : "Individualism and Economic Order". Réédition, Midway, 1980.
8. Langlois R. [1994] : "Risk and Uncertainty", in Boettke P. J. (ed.), *"Austrian Economics"*. Adelshot : Edward Elgar, p. 118-122.
9. Rizzo M. [1994] : "Time in Economics", in Boettke P. J. (ed.), *"Austrian Economics"*. Adelshot : Edward Elgar, p. 111-117.
10. Sapir J. [1995] : "Regards Croisés sur la Transition", in *Economie Internationale*, №62, pp. 281-290.
11. Schackle R. [1961] : "Decision, Order and Time in Human Affairs". Cambridge : Cambridge University.
12. Schumpeter J. A. [1939:1964] : "Business Cycles". Réédition, New-York : Mc Graw-Hill, 1964.
13. Veblen T. [1899:1970] : "La théorie de la classe de loisirs". Trad. Fr., Paris : Gallimard, 1970.
14. Vercueil J. [1997] : "Institutionnalisme et économie des conventions : recherches sur le positionnement méthodologique des théories", in *Economies et Sociétés*, série Oeconomia, P.E. №26, 10/1997, p. 85-114.

Features of the views of modern Russian thought on uncertainty, differences from the "Western" and the role in the "special Russian path"

Konstantin I. Vlasenko

Postgraduate student
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: konstantinherzen@gmail.com

Abstract

The article discusses among the many currents that permeate modern Russian thought on uncertainty, the possibility of a "special Russian path" based on evolutionary economics. The foundations and modern development of evolutionism are considered around three topics that seem to be of particular interest for the study of Russian thought: issues of time, uncertainty and the role of institutions in the economy. These three concepts will allow us to consider the possible contribution of the evolutionary vision of the transition period in Russia in connection with the difficulties encountered by standard approaches on this topic, taking into account the comparison with the "Western" position.

For citation

Vlasenko K.I. (2023) Osobennosti vozzrenii sovremennoi russkoi mysli na neopredelennost', otlichiya ot «zapadnoi» i rol' v «osobom russkom puti» [Features of the views of modern Russian thought on uncertainty, differences from the "Western" and the role in the "special Russian path"]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (3A-4A), pp. 111-122. DOI: 10.34670/AR.2023.12.24.010

Keywords

"Russian way", evolutionism, uncertainty, peculiarity, transitional period.

References

1. Degtyareva M. I. "The Special Russian way" through the eyes of "Westerners": de Maistre and Chaadaev // Questions of philosophy. - 2003. - No. 8. - pp. 97-105.
2. Leksin V. N. Uncertainty, risks and stability of systems // Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences. - 2022. - Vol. 72. - No. 1. - P. 3.
3. Olsevich Yu. Fundamental market uncertainty and financial theories. - Litres, 2023.
4. Arrghetti A., Bachmann R., Deakin S. [1997]: "Droit des contrats, normes sociales et coopération interentreprises", dans Cambridge Journal of Economics, vol. 21, №2, mars 1997, pages 171-195.
5. Commons J. R. [1935]: "Économie institutionnelle". Réimpression, Madison: Presses de l'Université du Wisconsin, 1961.
6. Dom J. A. [1994]: "L'effondrement du communisme et la réforme post-communiste", dans Boettke P. J. (éd.), "Économie autrichienne". Adelshot: Edward Elgar, pages 440 à 447.
7. Hayek F. A. [1948:1980]: "L'individualisme et l'ordre économique". Réédition, Midway, 1980.
8. Langlois R. [1994]: "Risque et incertitude", in Boettke P. J. (éd.), "Économies autrichiennes". Adelshot: Edward Elgar, pages 118 à 122.
9. Rizzo M. [1994]: "Le temps en économie", dans Boettke P. J. (éd.), "Économie autrichienne". Adelshot: Edward Elgar, pages 111 à 117.
10. Sapir J. [1995]: "Regards croisés sur la transition", dans Économie internationale, №62, pp. 281-290.
11. Schackle R. [1961]: "Décision, ordre et temps dans les affaires humaines". Cambridge: Université de Cambridge.

12. Juge Schumpeter [1939:1964]: "Cycles économiques". Réédition à New York: Mc Graw-Hill, 1964.
13. Veblen T. [1899:1970]: "La théorie de la classe de loisirs". Trad. Fr., Paris: Gallimard, 1970.
14. Vercueil J. [1997]: "Institutionnalisme et économie des conventions: recherche sur le positionnement méthodologique des théories" , dans Economie et sociétés, série Oeconomia, PE №26, 10/1997, p. 85-114.